

Шэньху был потомком Белого феникса (хунху) и Сказочной птицы, ткущей грёзы, однако оставалось загадкой, в каком именно поколении.

Так или иначе, кровь расы фениксов и кровь бессмертных зверей в его жилах были изрядно разбавлены.

Но даже этих двух крохотных крупиц наследия Высшего мира вполне хватало, чтобы он мог свысока взирать на девяносто процентов духовных зверей континента Цанлань.

Начнем с того, что он с самого рождения умел говорить на человеческом языке, да к тому же являлся амфибией в самом широком смысле — одинаково уверенно чувствовал себя в воде, на земле и в воздухе! Летал ли он, плавал или бежал, скорость его была необычайно высока, что делало его первоклассным ездовым зверем.

Если прибавить к этому его врожденные навыки подглядывать в чужие сердца и сотворять иллюзорные миры, то Шэньху становился тем самым гусем мечты, ради которого потеряло бы покой большинство практиков.

Юнь Фэймяо и сам не на шутку загорелся, но, глядя на то, с каким остервенением этот огромный гусь пытается опрокинуть его и заклевать насмерть, поспешил выкинуть лишние мысли из головы.

Сейчас главным было поскорее унести ноги!

— Ты куда побежал? А ну стоять! А ну говори, как твоя фамилия? — Шэньху неустанно преследовал его по пятам.

Юнь Фэймяо бежал уже довольно долго и, осознав, что по-прежнему кружит внутри сотворенной Шэньху иллюзии, был вынужден ответить на вопрос преследователя:

— Моя фамилия Юнь.

— Ну конечно! И как я сразу не догадался! — Шэньху сердито надулся.

В его унаследованной памяти хранились упоминания о древнем клане Юнь из Западной провинции. Там говорилось, что те представители клана Юнь, которые искусны в магии иллюзий, способны стать для их рода идеальными соратниками, чьи силы взаимно дополняют друг друга, но в то же время они являются их главными природными врагами.

Сотворенные ими иллюзорные миры могли одурачить кого угодно, но только не людей из клана Юнь, которые к тому же могли в любой момент уловить чужие тайны.

Прежде Шэньху никогда не принимал эти предостережения всерьез — просто потому, что ему еще ни разу не доводилось терпеть неудачу, да и к тому же большинство древних великих кланов давно пришли в упадок, а их наследие прерывалось неизвестно сколько раз.

Кто же мог подумать, что судьба действительно столкнет его лицом к лицу с одним из них?

— Брат гусь, неужели ты встречал предков нашего клана Юнь?

— Да где там встречал! Просто я раньше ни разу не садился в лужу со своими иллюзиями, откуда мне знать, не было ли среди тех, кого я разыгрывал, людей из твоего клана?

— Ну, тогда, скорее всего, не было, — Юнь Фэймяо невольно улыбнулся.

В их клане Юнь наследие в основном опиралось на искусство талисманов, магию иллюзий и медицину, поэтому большинство потомков клана Юнь при отправлении на Центральный континент вступали либо в секту Короля медицины, либо в секту Талисманов и формаций.

За последние сто лет единственными, кто сделал выбор в пользу секты Ванцзянь, были он сам и его третий старший брат Юнь Фэйинь.

Его третий брат обладал редчайшим мутировавшим громовым духовным корнем абсолютного ранга и от природы был способен видеть сквозь любые иллюзорные завесы и подавлять всякую нечисть — он принадлежал к тому типу людей, при виде которых иллюзии сами спешно убирались с дороги, так что затащить его в подобный морок у Шэньху не было ни единого шанса.

Эх, будь его третий брат сейчас здесь, он наверняка смог бы выбраться отсюда в то же мгновение.

Если рассуждать о магии иллюзий, то нынешний уровень Юнь Фэймяо примерно соответствовал силам Шэньху. Однако уровень культивации у гуся был выше, и раз уж тот наотрез отказывался отпускать его, выбраться в один момент действительно становилось невыполнимой задачей.

— Хочешь выйти наружу? Раз хочешь, так попроси меня! — Шэньху очень быстро уловил страстное желание Юнь Фэймяо покинуть это место и невольно возгордился.

— Прошу тебя! — Юнь Фэймяо вполне мог смягчить свой тон перед лицом Шэньху. — Брат гусь, я очень прошу тебя, отпусти меня наружу. Когда я в следующий раз приду сюда, я принесу тебе кучу вкусностей, идет?

— Хм, вздумал надуть гуся? Ты не думай, что раз я живу в тайном царстве, то меня так легко обвести вокруг пальца. В это тайное царство Меча погребения большинство людей могут войти лишь раз в жизни! Стоит тебе выйти, и никакого следующего раза уже не будет!

— Ну, раз следующего раза не будет, давай разберемся прямо сейчас. Брат гусь, ты ведь наверняка любишь лакомиться мелкими иллюзорными рыбешками?

Юнь Фэймяо преспокойно извлек на свет целый мешочек сушеных иллюзорных рыбешек. Для духовных зверей, чьи силы опирались на магию иллюзий, эти рыбешки были превосходным укрепляющим средством, и он был абсолютно уверен, что ни одно подобное существо не устоит перед таким искушением.

Он и сам безумно любил это лакомство, а потому целенаправленно прихватил с собой несколько десятков таких мешочков.

При виде стольких иллюзорных рыбешек у Шэньху аж глаза округлились. Надо понимать, что в этом тайном царстве отродясь не водилось никаких ресурсов, полезных для развития магии иллюзий.

Это ведь как-никак было кладбище мечей секты Ванцзянь! Все имеющиеся здесь блага предназначались исключительно для заклинателей меча, а для него никакой пользы не несли.

В самом начале он был всего лишь гусиным яйцом, которое случайно подобрал один заклинатель меча.

Позже тот заклинатель погиб в пограничных землях, сражаясь с демонами. Перед самой смертью он хотел было поручить кому-нибудь из собратьев по секте позаботиться о яйце и выпустить его на волю, но испустил дух до того, как успел договорить.

Его младший собрат решил, что погибший просто не желал расставаться с этим яйцом, и поначалу вознамерился похоронить его вместе с хозяином. Перепуганное до смерти будущее пернатое, бывшее тогда еще обычным яйцом, принялось судорожно прыгать и кататься, изо всех сил доказывая наличие у себя духовного сознания, и лишь благодаря этому избежало страшной участи.

Впрочем, избежало, да не совсем: тот собрат по секте взял и поместил его вместе с мечом погибшего внутрь тайного царства Меча погребения.

Сделано это было для того, чтобы гусь почаще разговаривал с духовным мечом павшего заклинателя и скрашивал его одиночество, дабы в будущем, когда хозяин переродится, они вновь стали его верным духовным зверем и личным оружием.

Вот только дух того меча вообще не умел разговаривать! За прошедшие сто лет Шэньху едва не помер от тоски и скуки, и лишь в редкие периоды открытия тайного царства мог хоть немного развлечься.

— Ты...

Шэньху то переводил взгляд на иллюзорных рыбешек, то смотрел на Юнь Фэймяо, а затем вспоминал о безмолвном духовном мече, покоящемся на дне озера, и в его душе разворачивалась нешуточная борьба.

Ему безумно нравились иллюзорные рыбешки, и он всем сердцем желал бы лакомиться ими регулярно.

Да и сам Юнь Фэймяо ему весьма приглянулся: еще с того самого момента, как паренек провалился в тайное царство и одной ногой наступил ему на спину, гусь ощутил какое-то необъяснимое чувство близости.

К тому же их магия иллюзий могла идеально дополнять друг друга, так что после заключения контракта выгода для него была бы колоссальной, да и покинуть опостылевшее тайное царство он бы наконец сумел.

Но с другой стороны, он ведь питал теплые чувства и к тому прежнему заклинателю меча, и тоже искренне надеялся, что тот сможет переродиться, пройти круг реинкарнации и вновь взять в руки свой некогда бережно лелеемый натальный меч.

Он ужасно боялся, что если улетит, то оставшийся меч в силу своей не слишком выдающейся сообразительности не сможет безошибочно отыскать перерождение хозяина.

Но в то же время он опасался, что тот человек в этой жизни вообще не станет заклинателем меча, или же выберет совсем другую секту, а не Ванцзянь — и тогда гусь мог прождать его до самой смерти, так никого и не дождавшись.

— Эй, парень по фамилии Юнь, я выпущу тебя наружу и даже подарю тебе отличный судьбоносный шанс, но сможешь ли ты оказать мне одну услугу?

— Какую услугу? — Юнь Фэймяо тут же насторожился. — И что еще за шанс? Ты давай сначала

всё четко разъясни, иначе я ни за что не соглашусь!

— Что касается шанса... — Шэньху при этих словах невольно выпрямил свою изящную лебединую шею. — Да это же, разумеется, я сам, молодой господин! Во всем этом тайном царстве я — единственный духовный зверь, владеющий магией иллюзий, так что упустишь меня — второго такого шанса в жизни не найдешь!

— Оу.

Юнь Фэймяо кивнул, ничуть не удивившись подобному решению Шэньху. В конце концов, когда он доставал иллюзорных рыбешек, он ведь именно на это и рассчитывал, завлекая его!

Как и следовало ожидать, ни один духовный зверь направления иллюзий не способен устоять перед очарованием этих рыбешек.

— Ну и какую же помощь ты хочешь от меня получить?

— Кхм-кхм. В прежние времена один заклинатель меча из секты Ванцзянь подобрал меня в недрах одного разрушающегося тайного царства. Пусть нам и не суждено было заключить контракт, но он спас мне жизнь. К сожалению, когда он погиб, я еще даже не вылупился из скорлупы и никак не мог отплатить за проявленную доброту. При жизни он больше всего на свете дорожил своим натальным мечом, и перед самой смертью его мысли были заняты исключительно им. Не мог бы ты вытащить тот меч и забрать его с собой?

Юнь Фэймяо смерил его недоуменным взглядом:

— Тебе не кажется, что ты слишком высокого мнения обо мне? Духовные мечи сами выбирают себе хозяина, с чего ты взял, что я смогу вытащить его по первому своему желанию?

— Ничего страшного, я с тем мечом на короткой ноге, так что могу попросить его открыть для тебя лазейку!

— Но всё же... — Юнь Фэймяо почесал затылок. — А не будет ли это медвежьей услугой? Что, если этот человек после перерождения оказался в одном потоке новых учеников со мной? Что, если он как раз сейчас находится внутри этого самого тайного царства?

— Исключено, я уже всё проверил! Среди учеников, вошедших в этот раз в тайное царство, его точно нет! — Шэньху забил крыльями по груди, давая абсолютную гарантию.

— ...

Юнь Фэймяо на какое-то время лишился слов. В глубине души он полагал, что подобные связи между прошлой и нынешней жизнями не стоит навязывать силой: если суждено, они и так встретятся, а если пытаться подстроить всё намеренно, то можно, наоборот, разрушить предначертанное.

Вот только объяснить подобные тонкости духовным зверям было решительно невозможно.

Большинство духовных зверей отличались невероятным упрямством и чистотой помыслов: они всегда стремились во что бы то ни стало отплатить за добро, но из-за полного непонимания человеческих устоев и житейских нюансов эта благодарность порой оборачивалась весьма причудливыми путями.

Впрочем, ход мыслей Шэньху в основе своей был верен: преподнести заклинателю меча его же собственный натальный меч из прошлого воплощения.

И пускай после перерождения человек вовсе не обязательно снова выберет стезю меча, но Юнь Фэймяо частенько слышал от своего третьего брата, что у учеников секты Ванцзянь есть одна излюбленная поговорка, которую они то и дело выкрикивают во всеуслышание:

«В этой жизни не жалею, что стал заклинателем меча, а в следующей жизни вновь вступлю в секту Ванцзянь!»

Наслушавшись этих речей вдоволь, Шэньху, без сомнения, поверил в них до глубины души.

<http://bllate.org/book/17668/1655816>